

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 13

МАССОВОСТЬ – СПЕЦИФИКА ЗРЕЛИЩНОГО

И.Н. ЛАВРИКОВА*Тверской филиал
Московского
университета
МВД России**e-mail: ilavrikova@rambler.ru*

Исторической разновидностью праздников являются праздники зрелищные. Эти праздники активно проводятся во всех уголках земного шара, и, следовательно, именно такая форма досуга востребована разными народами до сих пор. В этой связи у меня возникает ряд вопросов, на которые интересно было бы получить ответы.

Итак: почему современный человек жаждет зрелищ? Каково политическое значение зрелищного праздника вообще, и современного, в частности? Попробую разобраться...

Ключевые слова: методология праздника, свободное время, досуг, элемент культуры, власть, воспитание личности, зрелище, массовость.

«Самое великое, что есть в природе, – человек, и прекраснейшее из всех зрелищ – зрелище объединенного народа»¹

(Роллан Ромен).

Исторической разновидностью праздников являются праздники зрелищные. Эти праздники активно проводятся во всех уголках земного шара, и, следовательно, именно такая форма досуга востребована разными народами до сих пор. В этой связи у меня возникает ряд вопросов, на которые интересно было бы получить ответы.

Итак:

- ✓ почему современный человек жаждет зрелищ?
- ✓ Каково политическое значение зрелищного праздника вообще, и современного, в частности?

Полагаю, что при осмыслении сферы зрелищного в современном мире мы должны, прежде всего, говорить о феномене артизации человеческого сознания. Если попытаться отобразить цепь причинно-следственных причин, ведущих к артизации сознания, то, полагаю, она будет выглядеть следующим образом: *индустриализация* → *«частичный работник»* → *«частичный человек»* → *«массовый человек»* → *формализация коммуникаций* → *атомизация* → *артизация сознания* → *массовый вкус* как продукт артизованного сознания.

Углубляясь в причины разъединения людей индустриального мира не считаю нужным, так как в русле моих исследований интересно проследить течение данного процесса и его вероятные последствия, а также, по-возможности, сопутствующие явления.

В этом случае необходимо произвести ряд уточнений. Например, **под формальной коммуникацией** будем понимать характерную для высокотехнологичных обществ обезличенность связей в составе многочисленных и разнородных общностей. Такой тип отношений начал складываться при формировании новейшей городской массы и сопровождался вытеснением личных неформальных отношений, свойственных малым груп-

¹ Роллан Ромен. Собр. соч. в 14-ти т. Т. 14. М., 1958. – С. 257.

пам сельского мира. Общение городского человека эпохи индустриализации становится избыточно многосторонним и вынужденно формализованным. Современные социологи считают современного человека членом одновременно, как минимум 5-6 малых и 10-15 больших групп², что, безусловно, отражается на качестве общения: «формализация, поверхностный характер большей части межличностных контактов становится практически неизбежными, происходит сужение, выхолащивание личностных, эмотивных элементов связей людей вне семьи»³.

Суть атомизации, как высшей точки разъединения людей, включает в себя следующие процессы: во-первых, стирается человеческая индивидуальность, «выливающаяся» в характеристическую похожесть людей друг на друга, в одинаковость их ценностей и устремлений. Во-вторых, распадом «мы», когда, следуя требованиям конкуренции, снижается уровень общения между членами общества, усиливается их изоляция, индивиды в борьбе за статус автономизируются. Таким образом, десолидаризация и самоизоляция индивидов становятся основными критериями, при массовом наличии которых, возможно утверждать, что общество переживает атомизацию, не самое лучшее свое состояние.

Результатом общественной атомизации, в свою очередь, становится **артизация сознания**, что проявляется в полунаркотической жажде зрелищ, утрате граней между зрелищем и реальностью, иллюзорном сознании. Ключевая причина артизации – исчерпание людского доверия к основополагающим общественным ценностям и, как следствие, неверие в стабильность общества данного типа, сопровождающееся тревогами и страхами о настоящем и будущем. Артизированное сознание срабатывает таким образом, что меняются приоритеты: главными, определяющими характеристиками социальных проблем становятся характеристики эстетические. Терроризированное отчаянием, истерией, страхами, как бы замороженное сознание, естественно, неспособно к разумным действиям, но им удобно манипулировать. Ведь именно такое сознание, сознание беззащитного человека, в мировоззренческом плане более всего ценит «порядок». Должное, адекватное человеческое отношение к реальным ужасам «размывается» навязываемой массовой психологической позицией, в рамках которой окружающее «относительное спокойствие» (в сравнении со зрелищными кошмарами культурной индустрии) надо ценить и беречь. Таким образом, атомизация приводит к артизации сознания, что, в свою очередь, настойчиво «провоцирует» жажду зрелищного любой природы.

Отрицать сложно: в современных условиях мирового информационного пространства, когда в массовом масштабе, благодаря супертехнологиям, открыто циркулирует безграничный поток знаний разного уровня и на разный вкус, формирование массовых стереотипов различного рода, в том числе и зрелищных, значительно упрощается. Подконтрольное тиражирование однородной или унифицированной информации в виде оценок, лозунгов и призывов расширяет масштабы манипулирования общественной психологией, делает общество более открытым и доступным при программировании со стороны властвующих. Соглашусь с Г.Ю. Черновым, что «...появляется как тенденция возможность преднамеренного монопольного контроля и формирования в нужном направлении сознания множества людей, создания однородного массового сознания. На роль такого рода монополиста могут претендовать финансовые магнаты, корпорации, но чаще всего в этой роли оказываются государство, правящая политическая элита, бюрократия»⁴.

По этому поводу хочется сделать еще одно дополнение. Вне сомнений, что исследуя массовое поведение как реакцию на определенные стимулы, мы имеем возможность изучать формы проявления массового сознания. В этой связи Е.И. Кукушкина и Л.И. Насонова предложили рассматривать массовое сознание как сознание «маргинальное»⁵. Подробнее: в современном обществе идет процесс превращения классических общностей в неклассические. По мнению исследователей, он является следствием маргинализации социальных групп, появления обширных пограничных групп между ними и формирования «люмпен-слоев» в каждой классической группе.

² Группин Б.А. Процессы массовизации в современных обществах // Рабочий класс и совр. мир – 1986. – № 5. – С. 36.

³ Чернов Г.Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы. – Дубна: Феникс+, – 2002. – С. 148.

⁴ Там же. – С. 154.

⁵ Кукушкина Е.И., Насонова Л.И. Обыденное и массовое сознание // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 12. – 1991. № 1.

Кроме того, Е.И. Кукушкина и Л.И. Насонова полагают, что в массовом сознании реальные потребности могут принимать различные превращенные и даже извращенные формы. Такое может происходить, когда исторические возможности развития какой-либо социальной группы объективно уже исчерпаны, при сохраняющейся видимости их развития. В этом случае подлинное духовное развитие группы подменяется развитием мнимым, а материал для этой мнимой деятельности подбирается в соответствии не с собственной природой, а с превращенными потребностями массы иметь иллюзию духовной жизни. Тогда, маргинальный характер массы проявляется в соответствующем характере составляющих ее сознания, конструируемого из подручного материала, заимствованного из «ничейных» пограничных областей общественного сознания «с тем, чтобы удовлетворять единственному требованию: быть легко, без усилий воспринимаемым и в силу внешнего подобия – способным к замещению духовных ценностей, утративших в изменившихся условиях социальную целесообразность».

Характеристики массы порождают аналогичные качества ее сознания: аморфность – столь же аморфное сознание, не имеющее стабильной структуры, с признаками неопределенности, ситуативности, анемичности, то есть отсутствие какого-либо закона, лежащего в основе ее образования – иррациональные, логически противоречивые элементы сознания в их связи⁶.

Полагая, именно сейчас уместно говорить об одном из ярко выраженных продуктов-последствий *артизированной сознания* – **массовизации общественного вкуса**. Думаю, эта зависимость, точнее взаимозависимость, развивается как бы по спирали, а именно, артизированное сознание, продуцирующее массовый вкус, порождает продукты, в свою очередь его подпитывающие, и так по нарастающей.

В данном случае, коррективы переживают, по крайней мере, две сферы культуры – духовная и художественная. Естественно, что *процессы влияния* на указанные сферы *носят множественный характер*. В частности, *один из них* можно образно выразить, используя комментарий Д.С. Лихачева: «...Движение литературы начинает контролироваться читателем»⁷. *Далее*, появляются новые художественные средства на базе кинематографа, и, прежде всего, самое из них доступное для большинства населения – телевидение. *Кроме того*, движение общественной истории вынуждает иначе выстраивать отношения «художник – аудитория», ведь *аудитория* теперь мыслится как *массовая*, а *эстетика* как *популярная*. Фактически, *творец* трансформируется в *продавца*, вынужденный ориентироваться на успех кассы. Конечно, творческие элиты, попадая под диктат массовых, но не элитарных запросов, значительно ослабевают. Уровень культуры, ее требования и стандарты снижаются популярными методами, при которых форма и содержание произведений переориентируются на массовую доступность; все это, как следствие, ведет к упрощенчеству: снимается проблематика, сложная для массового восприятия. И, пожалуй, *самый главный*, из названных, *процессов влияния*, заключается в следующем: *продукт художественного творчества трансформируется в продукт рыночных отношений*. Соответственно, с его помощью извлекается прибыль, так как подобный продукт уже переориентирован на массовый спрос, и в предметы «массового искусства» вложены капиталы. В итоге, стратегию производства продуктов масскульты диктует в известном смысле сам массовый рынок.

Массовые предпочтения, так называемый, массовый вкус, к сожалению, «выстраивает» под себя иерархию видов и жанров художественной культуры: «симфоническая и камерная музыка, опера и балет, “серьезная” живопись и литература подвергаются своеобразному остракизму, оттесняясь на периферию удобными для массового производства, тиражирования кино, “мыльными операми”, а также эстрадой и литературой книжно-массового бестселлера»⁸.

Основные характеристики массовой культуры⁹:

1) развитие функции развлекательной на фоне отказа от развивающего, чуждого творческого;

⁶ Там же. – С. 28-30.

⁷ Средства массовой коммуникации в современной художественной культуре. – М.: Искусство, 1983. – С. 42.

⁸ Чернов Г.Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы. – Дубна: Феникс+, 2002. – С. 157.

⁹ Там же. – С. 162.

2) деструктивное воздействие на психику индивидов; отсутствие этической и правовой защиты от подобной деструкции;

3) массовая артизация сознания (происходящее рассматривается как зрелище), формирование асоциального, дегуманизированного типа «игрового» человека;

4) массовое насаждение философии и психологии «консюмеризма», формирование международного типа массового сознания.

В рамках исследования представляется особо важным отметить, что помимо вышеперечисленных характеристик «массовая культура» создает *особый механизм унифицирующего воздействия* на всех членов общества, даже независимо от социального статуса. Новоформирующаяся система жизненных приоритетов снимает все личностное, индивидуальное, способствует идентификации себя с массой. Становится необходимым «быть как все» или «не хуже других». При этом отмечу, что подобные образы навязываются «извне-ориентированному» человеку экономическими и политическими правящими элитами (носителями ценностей «человека массы») посредством различных, массово апробированных манипулятивных средств. Короче говоря, «нельзя не подивиться росту профессиональной базы манипулятивных институтов, равно как и ощутить себя участником (подопытным?!) социального эксперимента “нового типа”, нацеленного на тотальное зомбирование и абсолютную управляемость общества и индивида бюрократическими и олигархическими “элитами”»¹⁰.

И, прежде чем, говорить непосредственно о праздниках в формате зрелища, считаю необходимым отметить еще одно порождение массовизации – *атрофию эмоциональной жизни на фоне столь же массового, преимущественно рассудочно манипулятивного мышления*. «Человек массы» или «рыночный человек» начинает активно деградировать, поскольку заинтересован лишь в факте собственной удачной продажи самого себя. По Э. Фромму это звучит так: «Человека заботит не его жизнь, не его счастье, а лишь то, насколько он годится для продажи»¹¹. В эмоциональной сфере эти люди беспомощны и наивны, не могут отличить подлинных чувств от фальши. Именно поэтому, политики, изображающие сильные эмоции, имеют хорошие шансы привлечь к себе людей с «рыночным характером»¹².

Э. Фромм описывает такой человеческий тип в виде редуцированной личности с «выветренной душой», которая отказывается от своего «Я» ради материальных благ. Подобный индивид практически лишается эмоций и вырождается в потенциально манипулированный объект, чье поведение абсолютно предсказуемо и управляется через систему проверенных стимулов.

Хочу отметить, что по мнению ученых-гуманистов XX-XXI веков, среди них, А. Швейцер, Х. Ортега-и-Гасет, Э. Фромм, Д.С. Лихачев и др., вопрос о регенерации духовной культуры и нравственной элиты первостепенно важен, как никогда. Но, к сожалению, не нужно обладать какими-либо сверхзнаниями, чтобы на сегодняшний день констатировать превосходство «массового» или «человека массы» над индивидуальным, индивидуальностью.

В процессе всего исследования передо мной стоит вопрос: «Каким образом, благодаря каким аргументам я смогу увериться в том, что мыслю достаточно здраво»? В этой связи пришла к выводу: единственное, что может убедить, в данном случае, и не только меня, это повторяемость мнений известных ученых по поводу самого объекта исследования. Естественно (и это интересно!), что мнения будут иметь различный угол зрения, но, при этом, они должны конструктивно совпадать по ключевым моментам и в ключевых оценках интересующего явления или предмета.

Говоря о массовизации как причине выхолащивания индивидуального, вышесказанное хочу дополнить некоторыми заключениями П.С. Гуревича об «инертной аморфной массе, дремлющей по большей части в тупом оцепенении и пробуждающейся лишь для того, чтобы выразить шумное восхищение “великим упростителем”»¹³.

Массовым, он называет такое общество, в котором «...политика определяется стихийными реакциями населения, а культура утрачивает уникальность и тиражируется для всех», развивается новая техника коммуникаций, а власть «концентрирована и принимает форму манипуляции массами» посредством этих коммуникаций. И далее: «граждан-

¹⁰ Там же. – С. 172.

¹¹ Фромм Э. *Иметь или быть?* Москва, «Прогресс», 1986. – С. 170-171.

¹² Там же. – С. 173.

¹³ Гуревич П.С. *Философия культуры: Пособие для студентов гуманитарных вузов*. – 2-е изд. – М.: АО «Аспект Пресс», 1994. – С. 253.

ские добродетели в этих условиях приходят в упадок, местное самоуправление ослабевает, исконная солидарность людей фактически исчезает. Эгоизм подменяет индивидуальность. Хаос предотвращается идиотией массы, манипулируемой элитами»¹⁴.

По мнению П.С. Гуревича, новизна массового общества заключается в следующем: «в более тесной интеграции народных масс в системе институтов и ценностей общества. Совокупность индивидов... составляет общество благодаря интеграции в систему, части которой взаимосвязаны. Тип общества, о котором идет речь, *интегрирован не родством, но принятием и действием власти в главных подсистемах общества (курсив мой – И.Л.)*, в экономике, политике, образовании, религиозных учреждениях и связанных с указанными областями нормами и взглядах»¹⁵.

В соответствии с точкой зрения П.С. Гуревича, «массовое общество продвинулось в созидании единой культуры далее, чем общество любого другого типа», а многие социальные критики – Гюнтер Андрес, Макс Хоркхаймер, Раймонд Бауэр и другие, подчеркивают ее наркотический характер, способствующий, посредством гигантских каналов массовой коммуникации, созданию сноповидного, иллюзорного. Благодаря электрической коммуникации массовая культура превращает людей в «патентованных наблюдателей»¹⁶, и я добавляю, что, именно в таком состоянии, как нельзя лучше подготовленных, ориентированных на технологии зрелищного.

Теперь непосредственно о зрелищном: его массовизацию анализировал, например, Е. Финк, когда описывал подобный феномен на фоне игрового. То, что игра является непременным компонентом праздничного, говорилось неоднократно, поэтому считаю логичным воспользоваться, в данном случае, комментариями Финка. По этому поводу он пишет: «Игру можно играть с глубиной, почти неосознаваемой творческой активностью, а можно – с порхающей легкостью и грациозной эlegantностью. Игровое представление не охватывает одних только играющих, закуклившихся в своей роли: оно соотносено и со зрителями, игровым сообществом, для которого поднят занавес. Об этом ясно свидетельствует зрелищная игра. Зрители здесь не случайные свидетели чужой игры, они небезучастны, к ним с самого начала обращена игра, она дает им что-то понять, завлекает в сети своих чар. Даже не действуя, зрители оказываются околдованными. Представление в его традиционной форме, с окружающей его декорацией, подобно картине. Зрители видят раскрывающийся перед ними игровой мир. ...Раскрытая сцена – словно окно в воображаемый мир. И этот необычайный мир, открывающийся в игре, не только противостоит привычной реальности, но обладает возможностью воспроизвести внутри себя это противостояние и свой контраст с реальностью. Подобно картинам в картинах существуют игры в играх. И здесь итерация многоступенчатая по интенции, но удерживается в одном и том же медиуме видимости игрового мира»¹⁷.

Включение зрелищ в структуру праздника имеет многовековую практику, и, безусловно, в этой связи необходимо обратиться к опыту античности. В таком случае, речь должна идти, прежде всего, о праздниках Древнего Рима, где, как известно, праздники разделялись на элитарные (для правящей элиты) и массовые в идее зрелищ (для класса угнетаемых).

Теперь, вернусь непосредственно к праздникам Древнего Рима, их детализации. Отмечу, что система ритуалов и обрядовых действий на празднествах жестко регламентировалась государственным аппаратом. Более того, «праздничному делу» обучались специальные люди, и, таким образом, за проведение действия несли ответственность отобранные профессиональные кадры. Были необходимы и особые жрецы-организаторы церковных мистерий, массовых религиозных поклонений, церемоний.

По мнению А.В. Бенифанда¹⁸, государственные и религиозные праздники Древнего Рима были частью праздной жизни господствующего класса, а зрелища – формой эксплуататорской политики. В рамках подобного подхода нерабочее время рабов полностью тратилось на рекреации, на удовлетворение потребности в восстановлении сил.

¹⁴ Гуревич П.С. Философия культуры: Пособие для студентов гуманитар. вузов. – 2-е изд. – М.: АО «Аспект Пресс», 1994. – С. 253-254.

¹⁵ Там же. – С. 255.

¹⁶ Там же. – С. 257.

¹⁷ Финк Е. Основные феномены человеческого бытия//Проблема человека в западной философии: Переводы/Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. Ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 379-380.

¹⁸ Бенифанд А.В. Праздник, сущность, история, современность. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – С. 57-58.

Сравнивая римские праздники с греческими, А.И. Мазаев по этому поводу пишет, что первые – «совершенно иные» обозначают «начало исторического оскудения праздничной культуры. Здесь праздники предстают уже не ареной духовного и физического совершенствования человека, а зрелищем, разделившим участников праздничного торжества на тех, кто активно его разыгрывает, и тех, кто его лишь созерцает со стороны. ... На древнеримских празднествах, особенно в императорский период, лежит фальшивый, внешний лоск и помпезность, сочетающиеся с грубым натурализмом, а их праздничность вырождается в откровенную праздность. И эта метаморфоза не случайна. Римская империя держалась на военной силе, и устраиваемые здесь триумфальные шествия, гладиаторские бои, навмахии, или сражения на воде, вполне соответствовали господствовавшему в этом обществе духу милитаризма, имея целью, с одной стороны, воспитание солдатской храбрости, а с другой – поддержание императорской власти путем демонстрации ее военной мощи и материальных богатств, щедро расточаемых толпам паразитирующих люмпен-пролетариев. Цель эта имела осознанный характер, о чем свидетельствуют сохранившиеся суждения римских государственных деятелей. Так, например, Цицерон, Сенека и ряд других знатных римлян хотя и не одобряли кровавые гладиаторские зрелища, тем не менее разделяли всеобщее мнение на тот счет, что они отвечают нормам воспитания такой «гармоничной» личности, как римский легионер-завоеватель. ...Один из римских правителей, Аврелиан, говорил: “Предавайтесь увеселениям, занимайтесь зрелищами. Пусть нас занимают общественные нужды, а вас – развлечения”¹⁹.

Ключевое – «хлеба и зрелищ», превращало праздники Рима в средство массового манипулирования, в то время как античная Греция считала подобные мероприятия привилегией свободного народа. Обратимся к описаниям²⁰ Великих Дионисий, чтобы политическое и идеологическое отличие праздников стало явным.

Великие Дионисии, как и другие афинские праздники, продолжались несколько дней и «были они не днями праздности, а днями празднований, строго регламентированными разного рода обычаями и обрядами, свято соблюдавшимися и передававшимися из поколения в поколение. Именно разного рода обычаями и обрядами, необыкновенно гармонично сочетавшимися друг с другом. Ибо были предусмотрены этими обычаями и обрядами и торжественные шествия, и культовые церемонии, и часы безмятежного народного веселья, когда каждому была предоставлена полная свобода веселиться, как он хотел, и хоровые, музыкальные и гимнастические состязания с присуждением наград победителям, и состязания драматические»²¹.

Праздничное мироощущение афинян, в связи со сложным, многосоставным характером их празднества, было очень объемным. Оно включало в себя все эмоциональные оттенки, на какие только способен человек, отвергший обыденщину, свободный в человеческом и гражданском смысле.

В заключительный день Великих Дионисий после награждения победителей драматических представлений созывалось народное собрание. Целью его было подвести итоги праздника, выслушать и рассмотреть все жалобы по поводу его проведения, если таковые поступали. Участвуя в собрании, свободнорожденные граждане воспроизводили еще раз в памяти все дни праздника и подытоживали свои впечатления. Отдавалось должное и афинской государственной администрации, если она показала себя с лучшей стороны, и, наоборот, выносили в ее адрес порицания, если она того заслуживала.

Народным собранием, проходившим в театре Диониса, Великие Дионисии и заканчивались. На следующий день деловая суতোлка снова накатывалась на Афины, но праздник не забывался. О нем напоминали новые экспонаты на улице Треножников и надписи на каменных стелах, увековечившие имена победителей в честь бога плодоносящей и возрождающей каждый год природы, а также в честь афинского государства и его граждан, в честь их свободы.

По мнению А.И. Мазаева, «античные праздники, в частности Великие Дионисии, – один из немногих примеров в истории, когда праздничность выступала в своем истинном содержании, будучи антитезой праздности и в то же время подчиняясь исключительно

¹⁹ Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М., Наука, 1978. – С. 97-98.

²⁰ Каллистов Д.П. Античный театр. Л., 1970. – С. 19-44.

²¹ Там же. – С. 19-44.

принципу удовольствия. Это было целостное праздничное мироощущение, вмещавшее в себя все проявления здорового духа и здоровой чувственности и отражавшее античную точку зрения на жизнь и культуру...»²².

В этой связи уместно вспомнить о психологическом факте²³, согласно которому единственной эмоцией, в оценке которой испытуемые обнаруживают большую степень согласованности, является эмоция радости. Полагаю, эти знания со счетов сбрасывать нельзя: проясняются причины единения значительных скоплений народа в подобных случаях.

Вновь вернусь к истории становления института зрелищ. Праздничная культура обязательно, я бы акцентировала, даже чутко, реагирует на социально-экономические изменения, поэтому в период феодальных отношений, праздник, естественно, приобретает новые качества. Согласно А.И. Мазаеву, новшества выглядят следующим образом: «В период феодализма утверждаются официальные празднества церкви и феодального государства, прославляющие существующий социальный порядок и величие власти. Еще со времен раннего феодализма, когда церковь стала уже крупнейшим землевладельцем и могущественной политической силой, она стремилась к превращению празднества в орудие своей пропаганды. В силу этого поначалу скромная религиозная процессия, служившая отправлению культа, превращается в организованное пышное шествие. Богатство церкви позволило придать ему характер красочного зрелища, поражающего роскошью костюмов, искусно разработанной игрой с вещами и театрализацией всякого рода. На основе церковного обряда, путем его усложнения, возник официально-церковный массовый праздник, достигший своего расцвета к XV-XVI вв.»²⁴.

Однако не следует забывать, что одновременно развивался народный праздник – карнавал, который существовал в качестве антипода официальному празднеству, и, по словам М.М. Бахтина, был «формой второй жизни народа, вступившего временно в утопическое царство всеобщности, свободы, равенства и изобилия»²⁵. На период празднества временно, «как бы» упразднялась социальная иерархия, и, силой «карнавального смеха» люди объединялись, уравнивались, претензии правящих разоблачались, снималась условность рангов и различий, и все для того, чтобы социальная несправедливость воспринималась невечной. «Карнавальное смех» вносил в атмосферу карнавала дух радикализма, помогая этому празднику с существенной полнотой воплотить в реальности тогдашние представления о свободной жизни. При всем том, – как уточняет А.И. Мазаев, – праздничность карнавала уже никак нельзя назвать идеальной в том смысле и значении, в каком была охарактеризована выше праздничность, присущая афинским праздникам. Гораздо в меньшей степени средневековое карнавальное мироощущение было связано с гармонически свободным самопроявлением человека и уж во всяком случае не имело возвышенного характера»²⁶.

В эпоху Возрождения монополия церкви в организации праздничной жизни ликвидируется и досуг начинает использоваться в просветительских и развивающих целях. Например, с точки зрения Морелли, увеселения и празднества – это средства восстановления сил и здоровья человека, кроме того, эффективный регулятор общественных отношений.

Яркий тому пример – празднества Великой французской революции, которые могли объединять на короткий срок линию официальную и народную. Несмотря на их некоторую помпезность, по сути праздники воплощали народное содержание. Мероприятия, кроме прочего, имели методическую ценность, так как «в них впервые в полном объеме присутствовал сценарий, – констатирует Д.М. Генкин, – в котором тщательно разрабатывалось все праздничное действие. Значительно расширилась и палитра выразительных средств режиссуры праздника. Так, в качестве выразительного средства широко использовалось хоровое пение. ...Главную часть всех празднеств французской революции составляли торжественные шествия народа. Однако в отличие от средневековых шествий это было тщательно продуманное и разработанное непрерывное действие с остановками и различными акциями у памятных мест революции и Парижа, с обязательным кульминационным

²² Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М., Наука, 1978. – С. 96.

²³ Бенифанд А.В. Праздник, сущность, история, современность. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – С. 49.

²⁴ Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М., Наука, 1978. – С. 99.

²⁵ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 14.

²⁶ Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М., Наука, 1978. – С. 100-101.

действием, ради которого шествие и затевалось»²⁷. Более того, как констатирует А.И. Мазаев, это были праздники нового типа, когда сама праздничная культура «превращалась в один из активных способов реального обновления и переделки действительности. ...Праздник 1789-1793 гг. впервые в истории заключил союз с революцией и стал проявлением полноценной и активной жизни, жизни как действия и борьбы»²⁸.

Чтобы историческая ретроспекция зрелищного была разнообразной, приведу пример праздников в Италии и Германии 30-40-х годов прошлого столетия. Фашизм полностью подчинил себе этот институт общественных отношений: «устраивая факельные шествия, милитаристские парады, массовые песнопения и объединения, наполняя все это историческое шаманство мифами об арийской крови и расе, он возродил на новейшей махрово-буржуазной основе принцип принудительности»²⁹. При этом фашистами игнорируются потребности граждан в творчестве, общении и т.д. Участие в действиях носит характер принуждения, первостепенной становится регуляционная функция праздника. Специальными государственными структурами утверждаются и неукоснительно исполняются праздничные регламенты: жесткие ритуалы и обрядовые действия. Ортега-и-Гасет, описывая характер праздничных отношений, указывал на полную обезличенность человека в рамках нацистских форм «организации», агрессивное стремление фашистов навязать «организацию» другим народам, всем и каждому³⁰.

Огромные средства фашисты тратили на организацию чествований своих лидеров, причем такие кампании разрабатывались спецкадрами пропаганды. С особой помпезностью отмечались дни рождения Гитлера, буквально, с роскошью средневековья, что подчеркивало абсолютность его личности. Важно отметить, что пристальное внимание германский фашизм уделял организации досуга детей и молодежи. Благодаря выверенной организации подобных кампаний у подрастающего поколения воспитывались «нужные» ценности и идеалы. Неслучайно в сценарий детского праздника вводили игрища военного характера, например, помпезно обставленные массовые шествия с барабанным боем, оркестрами, красочной символикой и т.п. Все это, естественно, имело психологическую направленность, создавало массовый психоз подростков, особое «праздничное» настроение, запланированное организаторами подобных мероприятий. Кроме того, яркая военная одежда детей, возможность публичного подражания взрослым и участие в детских праздниках создавали впечатление не только у непосредственных участников празднества, но и у наблюдающей толпы. Неудивительно, что праздники совершенной иной природы (например, День международной солидарности трудящихся 1 Мая) адаптировались для целевого выражения культа вождя, силы, жестокости и тотального милитаризма, что усиленно насаждалось в молодежной среде³¹.

Опыт Древнего Рима с его знаменитым, уже упоминавшимся лозунгом, не оставил равнодушным и отечественную правящую элиту. Намеренно опускаю детали, так как развитию отечественного праздника я посвящаю весь следующий параграф. Полагаю, в этой связи, уместен следующий пример: власти царской России, особенно второй четверти XIX века активно «внедряли в народ» всевозможные праздничные увеселения «нужного» характера. По этому поводу мне интересны статьи и фельетоны В. Слепцова³², который намеренно подчеркивал охранительную суть политики самодержавия и правящих классов в организации досуга простых граждан. Важно, что, описывая современные ему праздники – это середина XIX века, Слепцов пытался давать происходящему собственную, чаще всего нелицеприятную политическую оценку. Думаю, он проявил определенную смелость, показывая «торжественное шествие» обновленной реформами русской жизни во всех ее областях, «даже и по части удовольствий», в сравнении настоящего с прошлым. В.Слепцов указывал и на растущее «охлаждение» к предлагаемым удовольствиям, по причине изменений качества народной жизни.

²⁷ Генкин Д.М. Массовые праздники. М., «Просвещение», 1975. – С. 31.

²⁸ Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М., Наука, 1978. – С. 200-201.

²⁹ Бенифанд А.В. Праздник, сущность, история, современность. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – С. 67.

³⁰ Руткевич А.М. Социальная философия ортегианства. – Социологические исследования. 1980. № 1. – С. 169.

³¹ Бенифанд А.В. Праздник, сущность, история, современность. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – С. 67-68.

³² Слепцов В. Неизвестные страницы. – М., Изд-во Академии наук СССР, 1963. – С. 359-360.

Колоссальный размах приобретают праздники молодой Советской России, которые, безусловно, носили зрелищный характер. Известно, что обрядовая сторона мероприятий была представлена митингами, манифестациями, шествиями, демонстрациями, и все это происходило, предпочтительно, под маршевую музыку духового оркестра.

По мнению В.И. Ленина, значение форм массовой политической самостоятельности нельзя недооценивать, так как в них совершалось «обсуждение самими трудящимися новых условий жизни», «объединение усилий против эксплуататоров для их свержения», что это – эффективные средства партии, чтобы «пробудить и поднять... общественные “низы”... наиболее угнетенную и забитую, наименее подготовленную массу трудящихся, и, что этими средствами постоянно пользовались большевики на всех этапах революции, склоняя массы на свою сторону и с их помощью организуя Советскую власть»³³.

Сама процессия (шествие, демонстрация) на тот момент имела огромный социальный смысл: «в годы революции люди строились в ряды или колоннами, ...чтобы организованно пройти от сборных пунктов к центральному месту празднования и с максимальным эффектом продемонстрировать себя и стать красочным зрелищем для других. ...Символический смысл демонстрации, шествия... в том и состоял, чтобы приблизить будущее, преодолеть расстояние, разделяющее сегодня и завтра. Поэтому встать ...в ряды демонстрации означало реально встать на дорогу новой истории, выломиться из одного бытия и войти в другое, новое бытие»³⁴.

Полагаю, не менее интересным познакомиться с тонкостями организации отечественных зрелищных праздников времен Л.И. Брежнева. К сожалению, литературы, содержащей политическую оценку такого рода праздников их современниками, крайне мало. Впрочем, весьма любопытной в качестве рекомендаций по подготовке мероприятий массового и зрелищного характера мне показалась книга Д.М. Генкина «Массовые праздники»³⁵ (материалы книги я уже цитировала, когда определялась с классификацией праздников и описывала празднества Великой французской революции).

Итак, непосредственно о рекомендациях. Прежде всего, считаю необходимым отметить время написания книги – приблизительно четверть века назад. Для института праздника – срок незначительный, по сути, никаких глобальных структурных перемен в методах и подходах к подготовке зрелищных мероприятий произойти не могло. Тем более, кадровый состав организаторов времен советской школы не успел еще состариться, и, можно уверенно говорить о факте преемственности как при подготовке самих праздников, так и об обучении напрямую новых поколений «массовиков-затейников». Полагаю, именно такой незначительный временной разрыв между тогда – времен политических установок Советского Союза и сегодня – России обновленной, постперестроечной позволит сделать довольно интересные, как мне кажется, выводы о причинах, главным образом влияющих на содержательную часть праздничного действия. Именно при стечении обстоятельств, предложенных мне самой судьбой – ярко помнить «тогда» и участвовать «здесь» – можно попытаться выяснить, на какие общественные изменения институт праздника реагирует непременно, и что может радикально обновить его курс.

Выясняя различие зрелища и праздника, Д.М. Генкин полагает, что зрелище всегда является частью праздника. Именно его яркость и красочность позволяют проживать сильные эстетические эмоции, стимулируют коллективную эмоцию, окрашивают эмоционально все действие. В конечном счете, «сочетание различных форм самовыражения масс с восприятием ими зрелища выражает сущность праздника»³⁶.

Искусство массового праздника, представления и зрелища, с точки зрения Д.М. Генкина, это «искусство высоких идей, целенаправленности и гражданского пафоса, требующее в то же время яркой образности, ассоциативности, оригинального, смелого творческого замысла. В искусстве массовых представлений оригинальность, неповторимость замысла – первый залог успеха и заинтересованности зрителя. Внешняя зрелищность является в нем именно тем ключом, который открывает путь к сердцу каждого, превращает зрителей в соучастников представления. Искусство массового праздника, представления, зрелища – это искусство необычно массовое, обладающее огромным зарядом действенности, предполагающее активный контакт со зрителями, ищущее эффек-

³³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. – С. 201-202.

³⁴ Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М., Наука, 1978. – С. 261.

³⁵ Генкин Д.М. Массовые праздники. М., «Просвещение», 1975.

³⁶ Генкин Д.М. Массовые праздники. М., «Просвещение», 1975. – С. 48.

тивные пути проникновения в их сознание»³⁷. Материалы массового праздника, представления или зрелища должны быть точно выверены, потому что, находясь в массе, человек иначе реагирует на стимулы, нежели, чем наедине. Такова специфика праздничной массовости. Следует учитывать значение просчетов при реализации праздничной ситуации, допускаемых драматургами и режиссерами действия. Необходимо помнить, что ошибки этого уровня в целом снижают престижность всего столь масштабного мероприятия. Вот что сказал по этому поводу И.М. Туманов: «...если театральный режиссер может вернуться к спектаклю после премьеры, то массовый праздник пройдет только раз и при этом должен оставить глубокое эмоциональное впечатление»³⁸.

Неслучайно, по мнению И.М. Туманова, каждый массовый праздник требует «тщательной подготовки, разработки темы, поисков интересной и доходчивой формы, своего ритма, привлечения для активного участия в нем возможно больших масс народа»³⁹. По поводу последнего в сценарной и режиссерской разработке требуется предусмотреть *пути активизации человека*, находящегося в ситуации массового праздника, иначе, *каналы*, по которым его деятельность может активно развиваться. В противном случае, даже самый яркий праздник оставит у людей чувство неудовлетворенности.

Теперь, пожалуй, самое главное, что я вынесла из пособия по советским массовым праздникам. Анализируя праздник как педагогическую систему, Генкин указывает на его *способность вырабатывать и проявлять социально оправданную идейно-нравственную позицию по отношению к наиболее существенным вопросам жизни общества, управлять общественным настроением, воздействуя на сознание участников*.

Именно эта *способность воздействия на сознание участников* и позволяет, наряду с другими, использовать институт праздника, особенно массового характера, следующим образом:

- ✓ в качестве сильнейшего и эффективнейшего средства для преднамеренного монопольного контроля за обществом со стороны узких элитарных групп;
- ✓ с его помощью формировать в нужном направлении сознание множества людей;
- ✓ создавать однородное массовое сознание.

Какими бы жесткими (или жестокими) не показались слова Э. Канетти, именно ими я хочу подвести некоторый итог своих мыслей. Осмысляя рабство, он пишет: «Стремление превратить людей в животных – это сильнейший побудитель распространения рабства. Энергию этого стремления так же трудно переоценить, как и энергию противоположного стремления – превратить животных в людей. Этому последнему обязаны своим существованием величайшие творения духа, такие, как метемпсихоз и дарвинизм, а также популярные увеселения, вроде номеров дрессированных животных. Когда человеку удалось собрать столько рабов, сколько животных в стаде, была положена основа государства и власти; и не подлежит сомнению, что стремление превратить целый народ в рабов или животных пробуждается во властителе тем сильнее, чем многочисленнее этот народ»⁴⁰.

Полагаю, что после такого высказывания, замечу, конца XX века, имею полное основание заключить, что всякие технологии массовизации, к которым относится и институт массового праздника, реализуют устремление правящего сословия *побудить распространение рабства*. Правда, в переложении на современность требуется уточнить: если и не физического, то *духовного*, вполне. Как? – Средствами массовой культуры, разрушающей внутренний мир человека. «Манипуляторы систематически имитируют сознательную жизнь личности, – констатирует П.С. Гуревич, – выдавая предрассудок за рассудок, аффект за трезвый выбор, немотивированный поступок за акт высокой общественной зрелости. Все это и порождает...самое трагическое следствие – разрушение духовности...»⁴¹.

Как показывает история, меняются эпохи и государства, меняются властители и приближенные, меняются даже формы политического устройства, но суть и основное назначение зрелищного действия в узловых моментах политики и идеологии остаются прежними.

³⁷ Там же. – С. 80.

³⁸ Туманов И.М. Массовые праздники и зрелища. М., 1961. – С. 246.

³⁹ Массовые праздники и зрелища. М., Искусство, 1961. – С. 115.

⁴⁰ Канетти Э. Масса и власть. Пер. с нем. и предисл. Л. Ионина. М., AD, MARGINEM, 1997. – С. 412.

⁴¹ Гуревич П.С. Философия культуры: Пособие для студентов гуманитар. вузов. – 2-е изд. М.: АО «Аспект Пресс», 1994. – С. 278.

Список литературы

1. Роллан Ромен. Собр. соч. в 14-ти т. Т. 14. М., 1958.
2. Грушин Б.А. Процессы массовизации в современных обществах // Рабочий класс и совр. мир – 1986. – № 5.
3. Чернов Г.Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы. – Дубна: Феникс+, 2002.
4. Кукушкина Е.И., Насонова Л.И. Обыденное и массовое сознание // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 12. – 1991. № 1.
5. Средства массовой коммуникации в современной художественной культуре. – М.: Искусство, 1983.
6. Фромм Э. Иметь или быть? Москва, «Прогресс», 1986.
7. Гуревич П.С. Философия культуры: Пособие для студентов гуманитар. вузов. – 2-е изд. – М.: АО «Аспект Пресс», 1994.
8. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия//Проблема человека в западной философии: Переводы/Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. Ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988.
9. Бенифанд А.В. Праздник, сущность, история, современность. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986.
10. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М., Наука, 1978.
11. Каллистов Д.П. Античный театр. Л., 1970.
12. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990.
13. Генкин Д.М. Массовые праздники. М., «Просвещение», 1975.
14. Руткевич А.М. Социальная философия ортегианства. – Социологические исследования. 1980. № 1.
15. Слепцов В. Неизвестные страницы. – М., Изд-во Академии наук СССР, 1963.
16. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 36.
17. Туманов И.М. Массовые праздники и зрелища. М., 1961.
18. Массовые праздники и зрелища. – М., Искусство, 1961.
19. Канетти Э. Масса и власть. Пер. с нем. и предисл. Л. Ионина. М., AD, MARGINEM, 1997.

MASSIVENESS AS A SPECIFICITY OF ENTERTAINMENT

I.N. LAVRIKOVA

*Tver branch of the Moscow
university of the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation*

e-mail: ilavrikova@rambler.ru

Historical version of holidays are entertainment holidays. These holidays are actively spent in all corners of the globe, and, hence, such form of leisure is claimed by the different people till now. Thereupon I have some question on which it would be interesting to receive answers.

So: why the modern person thirsts for shows? What is a political value of an entertainment holiday in general, and modern, in particular? I will try to understand...

Key words: holiday methodology, free time, leisure, culture element, power, education of the person, show, mass character.